

ФЕОКРИТ, МОСХ, БИОН, Идиллии и эпиграммы, перевод и комментарий М. Е. Грабарь-Пассек, М., Изд-во АН СССР, 1958, 326 стр., тираж 15 000 экз.

Среди богатейшего наследия классической греческой литературы буколическая, или пастушеская, поэзия занимает немаловажное место. Древнегреческая литература, отошедшая в III в. до н. э. от больших социальных тем, сумела сказать еще раз свое новое слово в изображении повседневной жизни «маленького человека», создав еще один, совершенно новый жанр — буколику или идиллию. Создателем буколической поэзии принято считать Феокрита, его продолжателями и последователями — Мосха и Биона, живших, как предполагают, столетием позднее.

Рецензируемое издание представляет собой первый полный перевод на русский язык всего свода греческих буколических поэтов¹. Обстоятельное приложение содержит большую статью о греческой буколической поэзии, обзор истории рукописной традиции и печатных изданий и, наконец, подробный комментарий к каждому стихотворению. Таким образом, даже при первом беглом знакомстве с этой книгой становится очевидной ее большая ценность не только для специалиста-литературоведа, но и для каждого читателя, интересующегося историей мировой литературы.

Художественная и историческая ценность публикуемых произведений, сложность истории их происхождения и исторической судьбы, наконец, недостаточная изученность основных проблем эллинистической литературы, вызывающей столько споров и разногласий в советской и зарубежной науке, выдвигали перед М. Е. Грабарь-Пассек сложную и ответственную задачу — сказать свое первое и веское слово о большом и сложном направлении в античной и новой литературе.

В книгу включены 89 стихотворений Феокрита, Мосха и Биона. Все они, начиная от кратких двустиший и кончая эпиллиями, содержащими свыше трехсот стихов, переведены в размерах, наиболее близких к подлиннику, насколько это возможно

⁶ M. Ventris and J. Chadwick, Documents in Mycenaean Greek, Camb., 1956; они же, Studies in Mycenaean Inscriptions and Dialect. Bibliographical Survey, 1953—1955, L., 1956.

¹ Единственный полный перевод Феокрита, принадлежавший А. Н. Сиротину, был опубликован в ЖМНП в 1890 г.

при совершенно разных системах античной и современной метрики. М. Е. Грабарь-Пассек удачно нашла аналогии для передачи греческого гекзаметра, дактилического триметра, пентаметра и асклепиадова стиха, переданного для Феокрита впервые А. Н. Сиротининым. Стремясь передать напевность и мягкость феокритовского стиха. М. Е. Грабарь-Пассек отдает предпочтение в гекзаметре трехсложной стопе перед двусложной и точно соблюдает все цезуры подлинника. Богатая лексика, по возможности исключая все длинные и составные слова, но щедро использующая простонародные и разговорные выражения², употребление таких поэтических приемов, как аллитерация, анафора и звукопись, объединение смысловой паузы с концом строки и ряд других художественных средств помогают переводчику передать в значительной степени своеобразие стиля и языка греческих буколических поэтов. К сожалению, не всегда оказалось возможным оттенить в русском переводе тонкую игру слов, юмор и иронию феокритовской буколики. В целом удачный и интересный перевод не лишен все же некоторых недостатков. Следует, в частности, отметить несколько спорных и непонятных мест, оставляя без всякого уже внимания опечатки, к сожалению, довольно частые в самых различных разделах книги.

К числу спорных приемов переводчика следует отнести пользование как архаическими, так и диалектными морфологическими и синтаксическими формами: «жавронки» (ид. VII, 23, 141), «полэгчало» (ид. XI, 7), «зеленую траву» (ид. XXV, 231) и т. д. Нельзя признать удачным и стремление М. Е. Грабарь-Пассек к точному фонетическому воспроизведению греческих собственных имен и географических названий. Такие слова, как Симайта, Айгон, Аянт или параллельные формы одного и того же слова (Эроты и Эрос), необычны в традиционном русском произношении и невольно напоминают аналогичные опыты В. Я. Брюсова.

Среди непонятных мест, число которых невелико, можно отметить следующее: что, например, должна обозначать такая фраза?

«Чаще все бил Полидевк, все лицо раздробляя и щеки
Мясо в клочки превратив...» (ид. XXII, 127—128).

Ни предыдущий, ни последующий стихи не поясняют этого темного места, а в подлиннике говорится совершенно ясно, что все учащающиеся удары Полидевка сыпались до тех пор на лицо Амика, пока щеки последнего не потеряли своей формы. Далее Геракл рассказывает о своем поединке со львом:

«Сильно душил я его и могучими сзади руками
Я упирался...» (ид. XXV, 264—265).

Загадочность поэмы Геракла не объясняют ни комментарий, ни приведенная в тексте репродукция лисишповского Геракла (стр. 112). А в греческом тексте ясно сказано, что Геракл душил льва, обойдя его сзади (ἐξοπίθεν), чтобы зверь не поранил его своими когтями. Иллюстрация же дает совсем иной момент этой борьбы, о чем стоило бы сказать в примечаниях. Упомянув здесь об иллюстративном материале, следует сказать, что подобран он очень хорошо, но в тексте иллюстраций слишком мало, а в приложениях нет вовсе, хотя в отдельных разделах статей и комментария иллюстративный материал был бы очень кстати, так как М. Е. Грабарь-Пассек часто ссылается на памятники изобразительного искусства. Одна из подобных ссылок, впрочем, не представляется достаточно точной. Говоря об успехах эллинистического искусства «в передаче индивидуальных черт человеческого облика» (стр. 192) и правильно связывая эти успехи с характерными особенностями эллинистической культуры и литературы, М. Е. Грабарь-Пассек ссылается на знаменитые фаумские портреты. Ссылку эту нельзя признать уместной, так как самые ранние из фаумских портретов датируются I в. до н. э., а в статье речь идет об особенностях литературы III в. до н. э.

² Например: «пробирать до мозга костей» (ид. III, 17), или «кудрявая Ариадна» (ид. II, 46)—нужно отметить, что указанный эпитет (εὐπλόκαμος) в гомеровской поэзии переводят как «прекрасноволосая», «прекраснокудряя».

При чтении текста перевода вызывает недоумение начало XIV идиллии, явно противоречащее всему содержанию ее, где после длительного отсутствия Эсхин встречается с Тионихом и рассказывает последнему о своих злоключениях. М. Е. Грабарь-Пассек использует здесь распределение реплик между собеседниками, имеющееся в основной рукописи. Ошибочность рукописного чтения, отмеченная уже в одном папирусном фрагменте I в. н. э., давно установлена в науке. В новых изданиях текста принята поправка Кёлера, вносящая ясность в вопрос о том, кто же из двух друзей в действительности отсутствовал. Последний пример заслуживает особого внимания, так как он, к сожалению, не является единичным. М. Е. Грабарь-Пассек, используя в своем переводе новейшие издания текста Гоу и Леграна, почему-то упорно отдает предпочтение традиционному рукописному чтению даже в тех случаях, когда ошибки его несомненны и признаны всеми последними критическими изданиями. Чтобы не увеличивать число примеров, можно сослаться на ту же самую идиллию, где конец шестидесятого стиха М. Е. Грабарь-Пассек переводит так: «...для вольного — лучший владыка». Давно установлено, а теперь подтверждено и папирусными находками, что использованное в переводе рукописное чтение $\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\theta\acute{\epsilon}\rho\omega$ οἷος ἀριστος ошибочно и появилось как механическое повторение предыдущего стиха (см. издание Гоу). Можно не соглашаться с поправками Ганта или Галлавогги, на которых ссылается Гоу, но взамен ошибочного чтения нужно было что-то предложить. Ведь весь этот абзац представляет собой исторический намек, важный как для датировки стихотворения, так и для анализа всего творчества Феокрита.

При изучении творчества Феокрита вопрос о хронологии вообще имеет особое значение, так как все наши сведения чрезвычайно скудны, а стихотворения, изобилующие личными историческими и вымышленными именами, географическими названиями и политическими намеками, всегда представляли благоприятную почву для всевозможных гипотез, где фантазия и остроумие исследователя заменяли недостаточную аргументацию³.

М. Е. Грабарь-Пассек с большой научной осторожностью отказывается от бесплодных попыток восстановить биографию Феокрита и датировку его произведений: «исследования, посвященные этому вопросу, — говорит она, — как бы вращаются в заколдованном кругу: из самих произведений берутся указания для датировки, а по этой гипотетической датировке располагают произведения» (стр. 197). Поэтому в рецензируемой книге стихотворения расположены по традиционной схеме Стефануса, предложенной еще в XVI в., а вопрос о датировках стихотворений перенесен в комментарии, где ему посвящен тщательный лингвистический и литературоведческий анализ. Всегда столь осторожная в своих оценках, противница всяческих гипотез М. Е. Грабарь-Пассек все же один раз отступает от ею же установленного принципа, выражая сомнения в принадлежности Феокриту XII идиллии. Доводы, которые приводятся, основаны главным образом на содержании этой идиллии, прославляющей «любимца». Но это возражение, подобно остальным, приведенным в комментарии, не является убедительным. Прославление «любимца» обычно в древнегреческой поэзии и не является неожиданным в буколической. Что же касается обращения поэта к ионийскому диалекту, на основании которого Гейнзе и Блумфельд уже давно оспаривали авторство Феокрита, то сейчас считается и это сомнение неосновательным, так как Феокрит, в зависимости от случая, пользовался дорийским, эолийским и эпическим диалектами (см. стр. 205—206 рецензируемой книги).

Остается немного сказать о заключительной статье, в которой М. Е. Грабарь-Пассек сумела в немногих словах подвести итог своей многолетней работе над греческой буколической поэзией. В статье нашлось место для освещения всех основных вопросов александрийской поэзии, но, естественно, что не все они равнозначны и равноценны. Основное место среди них занимает проблема эволюции буколической поэзии, т. е. та проблема,

³ О произвольности подобных биографических построений свидетельствует наличие в научной литературе, наряду с подробнейшими жизнеописаниями Феокрита, работ, в которых выражается сомнение даже в подлинности его имени.

в которой наиболее полно отразились направленность и задачи всей книги М. Е. Грабарь-Пассек. Ознакомив читателя с характерными особенностями творчества Феокрита и его продолжателей, определив место Феокрита в современной ему литературе и его отношение к литературному наследию, наконец, охарактеризовав идеологическую основу буколической поэзии, М. Е. Грабарь-Пассек показывает, как жизненно правдивые и оригинальные произведения Феокрита постепенно сменяются в литературе условными и манерными идиллиями позднейших буколических поэтов. «Последователи и продолжатели взяли у Феокрита, — говорит М. Е. Грабарь-Пассек, — не самые жизненные его черты — дар реалистического изображения обстановки, быта и характеров, здоровый юмор, а развили как раз те элементы манерности и условности, которые несомненно были и у Феокрита, но заглушались более здоровыми звуками его лиры. Подлинная буколика Феокрита нигде и никогда более не возродилась» (стр. 220). Справедливость подобного утверждения очевидна, но оно нуждается в более подробном объяснении того, чем же вызваны элементы манерности и условности у Феокрита. Для истории буколического жанра важнее установить преемственную связь позднейшей буколики с Феокритом, чем подчеркивать различие между ними, как это делает М. Е. Грабарь-Пассек. По ее мнению, Феокрита и его продолжателей отличает друг от друга прежде всего их отношение к действительности. Для Феокрита М. Е. Грабарь-Пассек устанавливает «проникающее все произведения Феокрита любование действительностью», а позднейшие буколические поэты совсем отрешены от действительности, и живая реальность вытеснена у них «светлой беспечальной страной невинности и чистоты с добрыми тихими людьми и ласковой природой» (стр. 223). И хотя М. Е. Грабарь-Пассек считает, что от «бездумного любования статической прекрасной картиной», в основе которой лежит реальная действительность, всего один шаг до отхода от действительности «в прошлое, в будущее или в мир фантазии» (там же), но вряд ли с таким утверждением можно согласиться. Мир реальности и фантазии причудливо перемешан уже во многих идиллиях Феокрита, а Мосх, Бион и все другие продолжатели Феокрита, проходя мимо действительности, остановили свое внимание только на мире фантазии. «Древнегреческие поэты Сицилии Феокрит и Мосх, — отмечает Ф. Энгельс, — воспевали идиллическую жизнь пастухов — рабов, своих современников. Это были, несомненно, лишь красивые поэтические грезы»⁴.

Своеобразное отношение Феокрита к действительности можно, например, проиллюстрировать теми идиллиями, которые сюжетно совпадают с отдельными эпизодами «Аргонавтики», эпической поэмы современника и идейного противника Феокрита — Аполлония Родосского.

М. Е. Грабарь-Пассек только упоминает о том, что Феокрит и его единомышленники «варьируют и используют старые жанры, создавая на почве эпоса малую эпическую поэму — эпиллий» (стр. 194). Феокрит и Аполлоний одинаково обращаются к эпической поэзии прошлого, один создавая идиллию с мифологическим сюжетом — эпиллий, а другой — большую эпическую поэму. Но сравнение XIII идиллии Феокрита с заключительным эпизодом первой книги «Аргонавтики» и XXII идиллии с началом второй книги (поединок Полидевка с Амиконом) может обнаружить различие идейных концепций обоих поэтов. М. Е. Грабарь-Пассек лишь мимоходом упоминает о связи XIII идиллии с «Аргонавтикой», не делая из этого никаких выводов. А между тем анализ этих двух названных выше идиллий показывает, как Феокрит создает нового героя среди персонажей древнего эпоса и как от реальной действительности переходит к вымышленному прекрасному миру, в котором живет Гилас, по где нет места ни Гераклу, ни Полидевку. В эпиллиях Феокрита нигде нет «любования реальной действительностью», там имеются лишь любовно выписанные реалистические элементы быта или, пользуясь терминологией М. Е. Грабарь-Пассек, «отдельные моменты жизни» (стр. 223), перенесенные в страну грез и фантазии. Тезис М. Е. Грабарь-Пассек о полном приятии Феокритом действительности и даже любовании ею, вступает также в противоречие как с темой пародийной направленности творчества Феокрита,

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 432.

которая не раз была предметом специального изучения, так и с юмором и тонкой иронией стороннего наблюдателя, характерной в равной степени и для Феокрита и для близкого ему по духу Каллимаха⁵.

Высказанные здесь соображения только иллюстрируют и уточняют основную мысль М. Е. Грабарь-Пассек об эволюции буколистического жанра, о неподражаемости и неповторимости феокритовской буколики. Но именно эта буколика и была противоречивой, отразив противоречие мировоззрения Феокрита, а эту слабую сторону продолжили и развили буколистические поэты — последователи и продолжатели Феокрита.

Заканчивая обзор книги М. Е. Грабарь-Пассек, еще раз нужно отметить, что все сказанное здесь отнюдь не умаляет ее достоинств. Некоторая нечеткость отдельных положений статьи, недостаточная отредактированность комментария, кое-где повторяющего статью, отдельные стилистические небрежности в переводах слишком незначительны на фоне прекрасного впечатления, производимого всей книгой в целом. Но достоинства книги далеко не исчерпываются перечисленными здесь, а высказанные возражения должны только способствовать дальнейшему изучению важнейшего раздела эллинистической литературы.

Н. А. Чистякова